

Исследовательская статья

УДК 008 327.82, 94.

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-79-92>

Взаимодействие городов Ганзейского союза как «прото-парадипломатия»: культурные интеграторы экономики, политики и права

Ольга Владимировна Лебедева¹, Мария Михайловна Бессонова²

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ o.lebedeva13@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5180-4293>

² m.bessonova@odin.mgimo.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0091-8424>

Аннотация. В статье на основе теории парадипломатии раскрывается малоизученная тема внешних контактов квазигосударственных образований Ганзейского союза в качестве особого типа культурно-дипломатической деятельности. Актуальность такого исследования связана с необходимостью более полного, в том числе ретроспективного, описания поведенческой динамики подобных структур. Цель работы состоит в выявлении корней такого феномена современной культуры, как парадипломатия.

Для этого необходимо было 1) систематизировать современные теоретические подходы к парадипломатии; 2) апробировать теоретическую рамку изучения парадипломатии к истории Ганзейского союза; 3) раскрыть соответствия/несоответствия этой рамки экономическим, политическим и правовым аспектам деятельности Ганзы. Материалами исследования послужили теоретические работы, посвящённые теории парадипломатии, а также исторические документы, касающиеся деятельности Ганзейского союза. Исследование выявило, что, хотя традиционно парадипломатия рассматривается в контексте глобализованного мира, сложившегося в 1970-е гг., отдельные элементы парадипломатических связей («протодипломатии») можно обнаружить уже в эпоху Средневековья. В этой связи показано, почему внешние связи ганзейских городов-государств можно считать элементом парадипломатического взаимодействия: на территории городов Ганзейского союза функционировало общее Любекское право, регулировавшее в том числе внешние связи членов Ганзы и очерчивавшее рамки протодипломатического сотрудничества, общехозяйственные интересы толкали ганзейские города к взаимодействию с городскими образованиями Норвегии, Англии и Руси. С опорой на теорию канадского политолога А. Лекура доказано наличие у Ганзы всех трёх уровней парадипломатической активности. Помимо первого уровня (собственно экономического взаимодействия, лежавшего в основе существования Ганзейского союза, что показано на примере связей немецких городов с Новгородом) выделено проведение т.н. «Ганзейских ярмарок» как стратегии расширения собственного влияния городами-государствами можно отнести также

и ко второму (культурному) уровню. Предоставление Любеком флота для передвижения армии Тевтонского ордена, сухопутные и морские военные походы и заключение Штральзундского мирного договора может быть отнесено к третьему (политическому) уровню. Работа системы контор Ганзейского союза проанализирована в контексте теории «антенн» парадипломатического взаимодействия Й. Чешельской-Кильковской и Т. Каминьски. Вместе с тем продемонстрированы ограничения использованных теоретических подходов применительно к средневековым городам-государствам.

Ключевые слова: дипломатия городов, парадипломатия, торговая дипломатия, Ганзейский союз, города-государства, Балтия, Любек, Бремен, Любекское право

Для цитирования: Лебедева О.В., Бессонова М. М. Взаимодействие городов Ганзейского союза как «прото-парадипломатия»: культурные интеграторы экономики, политики и права // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 4. — С. 79–92. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-79-92>

Research article

Hanseatic City-States as Actors of *Proto-Paradiplomacy*: Cultural Integrators of Economics, Politics and Law

Olga V. Lebedeva¹, Maria M. Bessonova²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ o.lebedeva13@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5180-4293>

² m.bessonova@odin.mgimo.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0091-8424>

Abstract. Stemming from the theory of paradiplomacy, the study investigates the topic of external contacts of quasi-states of the Hanseatic League as a special type of cultural and diplomatic activity. The relevance of this study is associated with the need for a more comprehensive description of the behavioral dynamics of such structures both today and in retrospect. The study attempts to identify the roots of the modern cultural phenomenon of paradiplomacy. To reach this goal it was necessary, firstly, to systematize modern theoretical approaches to paradiplomacy; secondly, to apply a theoretical framework to studying paradiplomacy on the example of the Hanseatic League; and thirdly, to find the correspondences and inconsistencies between this framework and the economic, political and legal practices of the Hanseatic League. The research materials are both theoretical works on paradiplomacy and historical documents concerning the activities of the Hanseatic League. It has been revealed that even though paradiplomacy is traditionally dated back to the globalization of the 1970s, some elements of paradiplomacy can be observed as early as in the Middle Ages. As a result of the study, it has been shown that external contacts of quasi-state formations of the Hanseatic League may be considered as prototypical paradiplomacy: the cities of the Hanseatic League were guided by the common Lübeck Law, which regulated, in particular, the external relations of the Hansa members and outlined the framework of proto-diplomatic cooperation; common economic interests pushed the Hanseatic cities to cooperate with the urban entities of Norway, England and Rus'. Based on the theory of the Canadian political scientist A. Lecourt, the authors conclude that all three levels of paradiplomatic activity were present in the Hansa. To substantiate the conclusion, it was proved that the first (economic) level is represented by actual economic interaction that underlay the existence of the Hanseatic League, as shown by the example of the connections between German cities and Novgorod. The second (cultural) level of paradiplomacy with cultural interaction as a strategy to increase the influence of city-states is represented by the so-called Hanseatic fairs.

The third (political) level includes the provision by Lübeck of a fleet for the transport of the army of the Teutonic Order, land and sea military campaigns and the conclusion of the Stralsund Peace Treaty. The authors analyze the Hanseatic League office system in the context of the antennas theory of paradiplomatic interaction by J. Ciesielska-Kilkowska and T. Kamiński. At the same time, it demonstrates the limitations of the theoretical approaches used in relation to medieval city-states.

Keywords: city diplomacy, paradiplomacy, trade diplomacy, the Hanseatic League, city-states, the Baltic, Lübeck, Bremen, the Lübeck law

For citation: Lebedeva, O. V., Bessonova, M. M. (2024) 'Hanseatic City-States as Actors of Proto-Paradiplomacy: Cultural Integrators of Economics, Politics and Law', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(4), pp. 79–92. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-79-92>

Введение

Феномен межкультурной коммуникации включает в себя множество видов взаимодействия. Один из них — парадипломатия, то есть «плюрализация» дипломатической деятельности на мировой арене вследствие трансформации её традиционных видов. В специальной научной литературе этим термином принято обозначать внешние связи внутригосударственных административно-территориальных единиц (например, субъектов федерации, регионов, городских сообществ или городов) [Duchacek, 1984: 5]. Однако на наш взгляд в настоящее время можно говорить о расширении его содержания, и один из примеров, удачно иллюстрирующий данную тенденцию, — взаимодействие городов Ганзейского союза в области экономики, политики и права.

С давних времён города и регионы в рамках своей деятельности стремятся развивать связи с иностранными акторами, как государственными, так и негосударственными, в том числе в рамках профильного отраслевого сотрудничества. Оговоримся, что, хотя развитие внешних связей субъектов — явление не новое, первые исследования, посвящённые участию субнациональных/местных органов власти во внешней политике, относятся только к 1970-м гг., а более целенаправленные научные поиски в этой области вообще начались лишь в 1980-х гг. По-видимому, активизация интереса к этой сфере была связана с необходимостью учитывать новые реалии

международных отношений и систему государственного управления, сложившиеся к указанному периоду, вследствие чего регионы и административно-территориальные единицы получили большие полномочия в процессе принятия решений [Ciesielska-Kilkowska, Kamiński, 2022]. У истоков теории парадипломатии стояли американский политолог чешского происхождения И. Духачеки и канадский исследователь П. Солдатос. В первый период исследований (1970–1980-е гг.) их работы были посвящены преимущественно изучению федеральных систем и государств, также уделялось внимание трансформациям внутреннего уровня межсубъектного взаимодействия (такие трансформации подталкивали регионы к более активному международному сотрудничеству).

Согласно современным представлениям, интенсификации парадипломатических связей способствовали прежде всего факторы экономического развития и географической близости: регионы, которые находятся на пересечении торговых путей или поддерживают тесное сотрудничество с приграничными территориями соседнего государства, заинтересованы в углублении взаимодействия и ведении диалога от своего имени, а не только на общегосударственном уровне [McConnel, Moreau, Dittmer, 2012].

По мнению И. Духачека, значение приставки «пара-» перед словом «дипломатия» (англ. *paradiplomacy*) отражает международный характер деятельности административно-территориальной единицы, которая может проводить

параллельную скоординированную политику — или политику, дополняющую курс центрального правительства. Однако в то же время существует конфликтотенный потенциал между центральным правительством и регионом в вопросе международной политики [Duchacek, 1987]. В этой связи представляется целесообразным проследить истоки парадипломатических связей, с тем чтобы оценить возможности и пределы парадипломатического взаимодействия как феномена культуры, корни которого находятся достаточно глубоко в её истории.

По мнению политологов, стоявших у истоков теории парадипломатии, дипломатическую деятельность следует воспринимать как систему, в которой взаимодействуют акторы, представляющие различные уровни правительства, в том числе и региональные органы власти [Karvoniuss, 2023]. В современной многоуровневой политической среде акторы меняются в зависимости от своих проблем, интересов и их способности действовать на международной арене. В то же время необходимо учитывать, что политическая воля к реализации дипломатической активности часто продиктована особенностями региональной идентичности игроков, в которых зачастую преобладают сецессионные настроения. Именно поэтому первые исследователи И. Духачек и П. Солдатос в качестве примеров рассматривали кейсы Квебека (Канада) и Каталонии (Испания), где ярко выражено стремление создать собственное государство (особенно велико оно, как известно, среди коренного населения). Соответственно, в рамках теории парадипломатии получил развитие пласт исследований о «международной политике нации», не имеющей суверенного государства, например, Шотландии, Фландрии и др. Правительства таких субъектов не стремятся к независимости на официальном уровне, однако одна из основных целей их политики заключается в работе на

международном уровне для укрепления или создания своей нации в рамках многонациональной страны¹. Задачи же правительств этих регионов формулируются в парадигме продвижения экспорта, привлечения инвестиций, поиска ресурсов, которых им не хватает внутри страны, и на завершающем этапе представляют собой попытку добиться признания на мировой арене, что является важнейшим процессом в государственном строительстве [Ерёмина, 2012: 42]. Такая ситуация, как правило, приводит к открытому конфликту с центральной властью, если оно враждебно относится к требованиям «другой нации», основанным на идентичности, как например в случае с Каталонией и Баскским регионом в Испании или Квебеком в Канаде [Duchacek, 1990: 27].

Отдельного внимания заслуживает теория канадского исследователя А. Лекура, профессора кафедры политологии Университета Оттавы, который рассматривает влияние национализма на политику регионов внутри стран, как например в упомянутых выше Квебеке, Шотландии, Фландрии, Каталонии и Стране Басков. В своей работе² А. Лекур выделяет три слоя (англ. *layers*) парадипломатии: экономическая деятельность, сотрудничество и обмен знаниями, а также политическая активность регионов.

Среди основных направлений экономической деятельности регионов можно отметить привлечение зарубежных инвестиций и создание новых рынков сбыта. Таким образом, в этом слое нет явного политического измерения — скорее, он связан с общими тенденциями мировой экономики и процессами глобальной экономической конкуренции. В качестве примера А. Лекур приводит деятельность штатов США, международная активность которых сводится к продвижению экономических проектов.

Во второй слой парадипломатии, по его мнению, входят все аспекты сотрудничества, кроме экономического, — культурное

¹ Oddone N. Paradiplomacy // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. — Oxford: Oxford University Press, 2023. — URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.797>

² Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World: Research Report. — Hague: Clingendael Institute, 2008. — 22 p. — URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep05373>

взаимодействие, обмен знаниями и технологиями, налаживание контактов в области образования. В данном случае парадипломатия не сводится лишь к извлечению экономической выгоды, а направлена на всеобъемлющее сотрудничество во всех сферах для налаживания связей с регионами других стран.

Третий слой парадипломатии по А. Лекуру включает в себя политическую деятельность регионов, которые стремятся к развитию международных отношений от собственного имени, что может способствовать подтверждению их культурной и цивилизационной самобытности и служить фундаментом для дальнейшего отделения от государства, что, однако, не всегда будет целью административно-территориальной единицы³.

По мнению Р. Тавареса, международная политика федеративных государств — важный аспект международной деятельности, затрагивающий все её сферы (включая экономическую и торговую политику, стимулирование экспорта, привлечение иностранных инвестиций, науку и технологии, энергетику, защиту окружающей среды, образование, вопросы миграция, двусторонние и многосторонние отношения, международное развитие и права человека, которые и составляют круг основных парадипломатических вопросов [Tavares, 2016]). Парадипломатические акторы также проявляют всё больший интерес к проблематике новых вызовов и угроз, например, сотрудничеству в области борьбы с терроризмом, обеспечении информационной и кибер-безопасности и противодействия пандемиям. Таким образом, парадипломатия может создать альтернативный канал политической коммуникации с зарубежными партнёрами, обращаясь в том числе к негосударственным акторам в третьих странах.

По вопросу о времени появления парадипломатии как культурного феномена в исследовательской литературе к настоящему времени сложился консенсус:

принято считать, что её расцвет начался после 1945 г. Подчёркивается, что со времён Вестфальского мира 1648 г. и до окончания Второй мировой войны национальное государство было единственным субъектом международных отношений⁴. Однако после 1945 г., с созданием универсальной Всемирной организации ООН, появлением новых многосторонних площадок отраслевого сотрудничества в виде организаций, агентств и спецучреждений её системы, развитием концепции глобального управления и роста глобализации государство утратило единственный контроль над процессами внутри страны; а вестфальское право суверенов «управлять своими народами без вмешательства извне, независимо от того, основывается ли такое вмешательство на политических, правовых или религиозных принципах» ушло в прошлое.

Тем не менее, нам представляется, проявления парадипломатии можно проследить не с 1945 г., а уже со времен Средневековья, когда в 836 г. города Падерборн на территории современной Германии и Ле-Ман во Франции стали городами-побратимами [Благодатских, Керимов, 2018]. Не менее ярким примером такого взаимодействия может служить деятельность городов в рамках Ганзейского союза, который существовал с XIII по XVII вв. и играл ключевую роль на севере Европы.

Из истории Ганзейского союза

Напомним: Ганзейский союз представляет собой уникальный пример экономического и политического объединения эпохи Средневековья. Будучи фактически политической организацией городских советов в Священной Римской империи, он преследовал цель поддерживать торговые отношения и коммерческие привилегии на территориях от Португалии и Испании на западе до Новгородской республики на востоке. Позже его влияние достигло Исландии, Бергена (Норвегия), Стокгольма и Финляндии

³ Lecours, p. 2–4.

⁴ Cornago N Paradiplomacy and Protodiplomacy // The Encyclopedia of Diplomacy / ed. by G. Martel. — Wiley, 2018. <https://doi.org/10.1002/9781118885154.dipl0211>

на севере до Кёльна, Франкфурта и Нюрнберга на юге. К началу XV в. торговые связи Ганзы простирались вплоть до Венеции.

Ганзейский союз возник из купеческих гильдий и ассоциаций в XII в., когда купцам приходилось путешествовать группами для обеспечения защиты торговых судов. Само слово «*Hanse*» встречается в готском языке, происходит из старонемецкого *Nochdeutsch* и обозначает группу людей⁵. В Германии «ганзами» называли корпорации, в первую очередь торговые, а также взносы, которые платили их участники. Цель такого объединения заключалась в продвижении общих экономических интересов и защите торговли на море и на суше. Например, ганзы торговали с Англией из Кёльна. Что касается северной Европы, то первые источники свидетельствуют о так называемых шлезвигских путешественниках из Соэста (современная Вестфалия).

Благодаря своему географическому положению Ганзейский союз фактически связывал Запад и Восток Европы — Россию с Фландрией, Брюгге и Англией. Он превратил бассейн Северного и Балтийского морей в единое торговое пространство [Dollinger, 1970].

В эпоху раннего Средневековья власть находилась в руках короля, церкви и князей. Однако с XI в. всё большую роль начинало играть новое сословие — горожане. Город предоставлял человеку не только лучшие возможности для материального роста, но также и безопасность. С развитием торговли и ремесла роль городского населения в экономической жизни средневековой системы поступательно росла [Гис, Гис, 2023]. Из-за стремительного роста благосостояния городов для экономического развития требовались новые рынки сбыта. Возрос спрос и на сырьё, необходимость в котором увеличивалась соответственно темпам развития ремёсел [Ле Гофф, 1992].

Стоит отметить, что в середине XII в. ещё не существовало такого понятия, как «союз городов». Первоначально в союз «*Купеческой Ганзы*» входили торговцы и купцы,

и только начиная с XIII в. участниками данного объединения стали *города*.

Датой основания Ганзейского союза считается 1241 г., когда был заключён договор между двумя городами — Гамбургом и Любеком. Последний стал фактической столицей Союза, не в последнюю очередь благодаря обширному району соледобычи недалеко от города, что позволило ему претендовать на роль одного из самых могущественных центров региона Северной Европы.

Решающие шаги в формировании единого Ганзейского союза были предприняты во второй половине XIII в. Полное и привилегированное присутствие торговцев из Любека и Гамбурга в Брюгге было подтверждено после подписания соответствующего соглашения в 1253 г. В Лондоне и других центрах английской торговли данные города добились привилегий, которые были выгоднее предоставленных Кёльну, а затем принудили к союзу и кёльнскую ассоциацию, благодаря чему в 1282 г. крупнейшие центры северогерманской торговли были объединены в «немецкую» Ганзу. До этого объединения согласованную торговую политику в Англии и Фландрии вели представители Любека и Гамбурга.

В этот же период немецкие города добились окончательной монополии на балтийскую торговлю, тесно связав договорами и соглашения между собой иностранные города и Ганзу, которая способствовала развитию внешнеторговых связей в регионе. Впоследствии по инициативе северогерманских городов были основаны конторы в Новгороде и Бергене. Итак, к концу XIII в. все северогерманские торговые союзы и города входили в единую лигу, которая связывала территорию от Бремена до Ревеля. Торговля в североевропейском регионе окончательно перешла в руки немецких купеческих гильдий, со временем традиции принятия согласованных и совместных решений среди Ганзейских городов укрепились, что в дальнейшем поможет сохранить господство Ганзы на несколько столетий.

⁵ Schaube K. Noch einmal zur Bedeutung von Hansa // Historische Vierteljahrschrift. — 1908. — Н. 15. — S. 194–221.

В XIV и XV вв. Ганзейский союз доминировал практически во всех областях торговли в регионе Балтийского моря. Каждый год крупнейшие торговцы из ганзейских городов собирались на специальные Ганзейские дни, чтобы согласовать общую внешнеполитическую повестку. Ганзейский союз был разделён на пять областей: вендскую возглавил Любек, саксонскую — Брауншвейг, прусскую — Данциг, ливонскую — Рига и вестфальскую — Кёльн.

Основной статьёй импорта городов Ганзейского союза было сырьё, — такое, как шкуры в Новгороде, железо и смола в Швеции, а также рыба в Норвегии. Сырьё продавалось во Фландрию и другие регионы Западной Европы, обратно в порты Балтийского моря купцы привозили ткани и вино. Поскольку в Ганзейском союзе преобладали немецкие торговцы, именно они со временем открыли свои представительства в ключевых портах и городах Северной и Западной Европы.

Ганзейский союз вёл активную торговлю с городами Руси. Так, Новгород являлся центром меховой торговли. Наибольшим спросом пользовались горностай (символ монаршей власти), ласка и белка, европейцы также охотно покупали медвежьи шкуры, бобры, ондатры, лисы, хорьки, рыси, соболя. Россия наряду со скандинавскими странами поставляла и другие продукты скотоводства: кожу, жир, сало. Кроме этого, русские земли снабжали Запад воском, «восковые деревья» — ульи лесных пчёл — предоставляли его в огромном количестве. Самым большим потребителем воска были церкви.

Ганзейский союз вёл активную согласованную внешнюю политику, главная цель которой заключалась в поддержании хрупкого баланса между основными игроками региона. Так, в конфликтах и войнах они обычно вставали на сторону второй по силе стороны, чтобы уравнивать возможности воюющих сторон и не дать ни одной из них возвыситься слишком сильно. Например, в 1360 и 1361 гг. король Дании Вальдемар IV Аттердаг завоевал Сконе, южный регион Швеции, Эланд и Готланд, и в ответ города Ганзы объявили Дании войну, чтобы не допустить её укрепления. В итоге в 1370 г.

был подписан Штральзундский мирный договор, который стал дипломатической победой Ганзейского союза. Так Дания утратила право короновать монархов без согласия Ганзы. Более того, под контроль Ганзы переходило управление и сбор 2/3 доходов с ряда крепостей и портовых городов. Таким образом, Ганза стала фактическим монополистом в ловле сельди, одного из ключевых продуктов питания жителей Северной Европы. С заключением Штральзундского мира Ганза достигла пика своего величия. Она фактически контролировала всю торговлю в Европе, выступая посредником в торговле между различными субъектами международных отношений.

В начале XVI в. открытие новых морских путей по всему миру привело к серьёзным изменениям в расстановке сил в торговых отношениях между европейскими странами. Значение старых торговых центров постепенно снижалось. Например, Амстердам, расположенный на берегу Атлантического океана, уже в XV в. стал важным портовым городом. Теперь он окончательно перенял у Любека роль ведущего порта Северной Европы, и в регион Балтийского моря товары доставлялись транзитом через Амстердам.

В то же время внутри старых ганзейских городов наметился явный раскол. Ремесленники и местные купцы хотели иметь больше влияния в городах, которыми традиционно управляли иностранные путешественники и торговцы.

С течением времени Ганзейский союз терял ключевых экономических партнёров. Так, в 1478 г. Новгород был присоединён Иваном III к московским владениям и потерял свою независимость. Город перестал играть роль торгового центра. Ганзейцы закрыли там своё представительство.

Конец Ганзейского союза настал в 1630 г., когда Любек, Гамбург и Бремен создали свой отдельный союз. В 1669 г. в Любеке состоялись последние собрания Ганзейских городов. Ганзейская эпоха окончательно завершилась.

Помимо особой связи между городами, которую в следующем разделе мы рассмотрим в терминах *прото*парадипломатии, Ганзейский союз привнёс изменения и в систему международной торговли. Так,

Ганзейская эпоха сменила старую систему торговли товарами (обмен) на постоянные коммерческие отношения. Хорошим примером того, как Ганзейский век повлиял на торговлю большими партиями товара, является рыба. На ярмарках и рынках оккупированной датчанами южной Швеции Сконе торговали огромным количеством сельди: каждый год в этом регионе продавали от 200 тыс. до 300 тыс. тонн сельди.

Связи между городами Ганзы: три уровня прото-парадипломатия в действии

Стоит отметить, что с точки зрения современной терминологии Ганзейский союз можно отнести частично как к конфедерации, так и к региональной организации. У него не было представителей официальной центральной власти, каждый город располагал своими армией и флотом, в рамках Ганзейского союза не проводилось единой финансовой политики. В то же время в нём существовали и задатки общей государственности, — например, это касается распространения законодательства, особенно на территориях современной Германии, так как в городах, принадлежащих другим странам (например, Лондон или Осло), действовало право только этих государств. Фактически в Ганзейских городах постепенно формировалось единое правовое пространство, построенное на экономической близости вольных городов⁶. Например, в случае начала спора между членами Союза проблема должна была быть рассмотрена в ходе ежегодных съездов, в которых принимали участие представители всех городов Ганзы. Ключевой фигурой на этих собраниях был «совет отцов города». В ходе разбирательства стороны ссылались преимущественно на магдебургское право, появившееся из дортмундского и объединявшее нижне-немецкие регионы. Более того, на единую правосубъектность указывает территориальное деление Союза на судебные округа

(трети): вестфальско-ливонский, вендско-пруссский и фландрийско-рейнский. Позднее в XIV в. их число возросло до девяти: саксонский, вендский, вестфальский, прусский, померанский, ливанский, прусский, фландрийский, магдебургский и шведский. Несомненно, основные предпосылки такой общности носили экономический характер, так как «совет купцов» в Любеке был заинтересован в пресечении любых конфликтов между немецкими торговцами для расширения своего влияния и беспрепятственного потока торговых судов. Однако наличие единого правового пространства представляло собой одну из основ общности городов в Ганзейском союзе. Более того, позволяло налаживать связи с другими городами на официальном уровне.

Иногда в городах возникали споры о распределении власти. Об одном из таких конфликтов свидетельствует памятный камень на главной площади Висмара. Он повествует о Клаусе Йесупе, который в 1427 г. казнил мэра Банцкова и советника Хинрика ван Харена. После восстания К. Йесуп, будучи лидером ремесленников города, был избран мэром. Однако подобное нарушение этикета вызвало недовольство Ганзейского союза, и К. Йесуп был свергнут. После того как ганзейский флот потерпел поражение от Дании, К. Йесуп снова получил должность мэра.

Интересна и особенность «властной вертикали» немецких городов Ганзейского союза. Будучи вольными городами Священной Римской империи, члены Ганзейского союза подчинялись непосредственно императору Священной Римской империи, но не местным дворянам. Благодаря такой автономии и самоуправлению Ганзейский союз стал обладать большой властью и региональным влиянием. Его города также пользовались привилегиями Любекского права, которое способствовало развитию структур местного самоуправления. Этот закон распространялся на более чем 100 городов Союза и давал им возможность, например, самостоятельно вести войну.

⁶ Häpke R. Die ökonomische Landschaft und die Gruppenstadt in der älteren Wirtschaftsgeschichte (1928) // Die Stadt des Mittelalters. Bd. 3. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. — S. 33–54.

Опираясь на собственные военные силы, Союз участвовал в нескольких конфликтах. Одним из самых важных стала ранее упомянутая война с Данией в 1361–1370 гг. Вступив в союз с Кёльном, Ганза заставила короля Дании Вальдемара IV предоставить 15 % прибыли от датской торговли, что позволило Ганзейскому союзу закрепить главенствующую роль в торговле в Балтийском море.

Внешняя политика Ганзы на первых этапах её существования была успешна по нескольким причинам. Во-первых, это необходимость сохранения германского доминирования в Балтийском регионе, в котором также сильные позиции занимали Дания, Швеция и русские княжества. В этой связи политика немецких городов могла быть эффективна лишь при согласованности действий в отношении внешнего мира и солидарности между собой, так как контроль над торговой деятельностью должен был быть эффективным не только за пределами Ганзы, но и внутри союза. Таким образом, внутренняя политика Ганзы становилась естественным продолжением её внешней политики и была направлена на обеспечение порядка и мира между немецкими городами: войны между городами и грабежи на дорогах пресекались по мере возможности. Особую роль играла географическая близость городов — без разрешения соседних княжеств ни один из членов Ганзейского союза не имел права начать войну с другим. В случае нападения как город, так и гражданин могли потребовать помощи от других членов Ганзы. Все ганзейские города должны были выступить единым фронтом против общих врагов. Для пресечения иностранного влияния было запрещено постоянное проживание чужеземных купцов и торговцев. Более того, каждый город-член Ганзейского союза должен был пресекать любые попытки заключения товарищества между немецкими купцами и иностранцами. Все граждане ганзейских городов должны были бойкотировать любого человека, который грабит или нарушает договор с членом союза.

Со второй половины XIII в. взаимодействие между нижненемецкими городами перешло на новый уровень. К 1265 г. была сформирована единая правовая система, призванная защищать торговцев и их товары во время перемещений между городами, в которых главенствовало «любекское право» [Reibstein, 1956: 55]. После установления Ганзейского контроля над торговлей в Балтийском регионе крупнейшие города союза (Любек, Данциг и пр.) начали экономическую экспансию на запад, где ранее преобладали рейнские купцы, а также распространили своё влияние до таких центров западноевропейской торговли, как Брюгге и Лондон. В 1293 г. под контроль Ганзы перешёл остров Готланд, один из ключевых форпостов для контроля над Балтийским морем. В итоге торговые гильдии в Лондоне, Брюгге и на Балтике были объединены в единую группировку с объединением собственно немецких городов.

Любекское право распространялось и на территории Балтии, занятые немецкими колонистами. Такие города как Дерпт, Ревель и Рига выступали в роли фактических колоний ганзейских городов [Escach, 2018]. В то же время крупные города были неотделимой частью правового пространства Ганзы, в основе которой лежали права средневековых городов, и сами новые территории принимали участие в судопроизводстве общей системы Союза. Подобная тенденция позволяет говорить не только о культурной общности ганзейских городов (преимущественно немецких), но и о правовой [Бокман, 2004].

Примечательно, что до присоединения балтийских городов к Ганзейскому союзу такие центры немецкой торговли как например Бремен, способствовали активному культурному обмену между местным населением и немецкими купцами, что относится, как было сказано выше, ко второму «слою» парадипломатии. Этим процессам благоприятствовала как христианизация региона, так и передача политических традиций нижненемецких купцов местным властям⁷.

⁷ Stein W. Hansa // *Hansische Geschichtsblätter*. — 1909. — Bd. 15, H. 36. — S. 53–113.

Общность немецких городов Ганзы строилась и на других аспектах, которые не играют существенной роли в современной парадипломатии. Речь идёт, например, о связях между элитами различных городов. Упомянем связи между Любеком и Данцигом и другими городами, особенно недавно появившимися (Висмар, Штральзунд и др.). Между представителями городских общин наблюдались не только крепкие экономические взаимодействия, но и создавались близкородственные связи между ключевыми членами магистратов [Никулина, 2005: 20–21].

Деятельность городов в рамках Ганзейского союза представляется элементом парадипломатии и по другой причине — будучи представителями Ганзейского союза, они налаживали связи с городами других стран, например Лондоном, столицей Англии. Это, в свою очередь, преследовало преимущественно экономические цели (т.н. первый «слой» парадипломатии в теории А. Лекура) и развитие торговых связей между отдельными регионами, в которых был заинтересован Ганзейский союз. Роль связующего звена во многих переговорах играл Любек, в котором располагались и апелляционный суд Ганзы, и место для съезда представителей Ганзейских городов. Не менее важным представляется и то, что Любек не выступал в качестве безоговорочного центра Союза и не навязывал свою политику в отношении других стран. Будучи «первым среди равных», он играл роль медиатора в разрешении споров и способствовал налаживанию связей между другими городами Ганзы и регионами третьих стран [Rotz, 1977]. Именно благодаря такому подходу ганзейским городам удалось сохранить за собой доминирующие позиции в торговле в Балтийском регионе, не позволив расширить своё влияние странам Скандинавии, которые традиционно контролировали торговый путь «из варяг в греки».

Особым прообразом системы городов-побратимов можно назвать структуру «*купеческих клубов*», в рамках которых торговцы из разных городов имели возможность обмениваться опытом и технологиями для укрепления экономического сотрудничества. Уникальность данных клубов

заклучалась и в подготовке кадров для представителей различных купеческих гильдий. Те торговцы, которые проходили обучение в этой системе, получали дипломы, которые признавались во всех городах-участниках упомянутой «программы».

Ещё одним примером парадипломатии Ганзы можно считать проведение т.н. «Ганзейских ярмарок», которые проходили не только в городах самого Союза, но и в третьих странах, чьё участие было важно для развития торговых отношений, например в Лондоне или Осло. Феномен ярмарок можно отнести как ко второму «слою» парадипломатии (культурный обмен), так и к третьему, потому что зачастую организация «Ганзейских ярмарок» становилась первым этапом для дальнейшего углубления сотрудничества между городами других стран и Ганзейский союзом.

Примечательно, что многие города, которые были членами Ганзейского союза, фактически оставались самостоятельными правосубъектами в рамках третьих государств [Voestad, 2021]. Таким образом, можно отметить два основных вида парадипломатии в деятельности Ганзейского союза: во-первых, это сотрудничество между немецкими городами Ганзы и другими субъектами внутри Союза, и, во-вторых, речь идёт о взаимодействии городов организации с партнёрами, не входящими в данное формирование.

Что касается первого аспекта, интересен пример сотрудничества Любека и Новгорода. С XII в., на заре создания Ганзы, для немецких купцов одним из основных торговых направлений стало новгородское. Для углубления связей с русским городом любекские купцы добились получения статуса третьей стороны в случае появления споров между Новгородом и немецкими городами Ганзейского союза [Сквайрс, Фердинанд, 2002]. Более того, Любек также распространил торговое право Ганзы на подворье Святого Петра в Новгороде, что представляется одним из успехов любекской дипломатии в рамках Ганзы. Таким образом, уже на начальном этапе существования данного формирования активно велось сотрудничество между городами от имени общего Союза.

В качестве второго вида парадипломатии оправданно вспомнить сотрудничество между Ганзой и Тевтонским орденом, которое строилось на двух аспектах. Во-первых, торговое партнёрство между ганзейскими городами и поселениями Ордена, преимущественно за счёт финансирования походов рыцарей, которые завоевывали земли на Востоке, что позволяло Ганзе использовать новые территории в качестве опорных пунктов для дальнейшей экономической экспансии всего союза. Во-вторых, это касалось предоставления флота Любека для передвижения армии Тевтонского ордена и проведения военных походов как на суше, так и на море. Благодаря данному сотрудничеству у Любека и других городов было право самостоятельно проводить градостроительную программу в новых поселениях Тевтонского ордена, что помогало в дальнейшем укреплять связи между двумя субъектами международных отношений⁸.

В рамках теории парадипломатии исследователи Й. Чешельска-Кильковска и Т. Каминьски отмечали, что в рамках сотрудничества с регионами других стран города могут играть роль «антенн», которые собирают информацию на местном уровне [Ciesielska-Kilkowska, Kamiński, 2022: 48–50]. Так, в рамках Ганзейского союза была создана особая система контор, за которые отвечали крупнейшие центры немецкой торговли, например, Любек. Конторы занимались сбором информации и налаживанием хозяйственных связей в четырёх городах: Бергене, Лондоне, Данциге и Брюгге. В силу своей деятельности они осуществляли таможенный контроль над товарами, ввозимыми иностранными купцами, а также поиск любой необходимой для Ганзы информации о политической, религиозной и культурной жизни данных городов.

Заключение

Итак, отдельные проявления парадипломатии (т.е. «прото-парадипломатия») можно проследить на протяжении более

ранней истории, чем принято считать. Особым примером может служить Ганзейский союз, экономическое и частично политическое формирование XII–XVII вв. И хотя теория парадипломатии, разработанная в 1980-е гг., рассматривала в качестве предмета своего исследования преимущественно сотрудничество административно-территориальных единиц разных стран в современном глобализованном мире, «лекала» парадипломатии хорошо ложатся на более ранние социокультурные процессы.

В частности, некоторые аспекты взаимодействия ганзейских городов указывают на их принадлежность к единому правовому пространству и проведение частично согласованной внешней политики, что проявилось, например, во время войн с Данией за господство в Балтийском регионе. Таким образом, взаимодействие немецких городов Ганзы и иностранных регионов можно рассматривать как предтечу парадипломатии в мире, где отсутствовали национальные государства.

Опора на теоретические подходы И. Духачека, С. Пакуина, А. Лекура и др. позволила заключить, что в Ганзейском союзе существовали задатки парадипломатии в рамках сотрудничества между городами — основными территориальными и политическими единицами Ганзы. Анализ деятельности таких городов, как Любек и Бремен, показывает, что они проводили активную политику в рамках всех трёх «слоёв» парадипломатии, предложенных А. Лемуром: экономического, социально-культурного и политического. Помимо этого, некоторые аспекты деятельности городов указывают на согласованную политику членов Ганзейского союза в отношении регионов других стран, что могло варьироваться от расширения торгового сотрудничества, как, например, в случае Лондона и Осло, до стремления включить эти регионы в экономическое и правовое пространство Ганзы (территории Прибалтики).

Разумеется, полностью отождествлять сферу применимости современного понятия «парадипломатия» и её средневеково-

⁸ Höhlbaum K. Die Gründung der deutschen Kolonie an der Düna // Hansische Geschichtsblätter. — 1872. — Bd. 1. — S. 21–65.

возрожденческой предтечи невозможно: экономика, политическая структура и культурные связи этих периодов имеют существенные отличия. Однако тот факт, что с известными оговорками всё же можно констатировать наличие специфической формы негосударственного межкультурного взаимодействия, тяготеющего

к «суверенизации народов» и вместе с тем открывающего каналы государственно-неангажированного взаимодействия, позволяет выдвинуть тезис о существовании культурного феномена протопарадипломатии в качестве концептуальной модели такого взаимодействия.

Список литературы:

- Благодатских В.Г., Керимов А.А. Парадипломатия как категория политической науки: теоретико-методологические подходы и школы // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. — 2018. — № 1. — С. 158–166. <https://doi.org/10.24147/2312-1300.2018.1.158-166>
- Боккман Х. Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. — Москва: Ладомир, 2004. — 303 с.
- Гис Дж., Гис Ф. Жизнь в средневековом городе. — Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2023. — 416 с.
- Еремина Н.В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. — № 6. — С. 42–51.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — Москва: Прогресс, 1992. — 376 с.
- Никулина Т.С. Городская элита Любека (XIII – XVI вв.) // Городской социум: политические и социокультурные элиты прошлого и настоящего. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. — С. 12–23.
- Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. — Москва: Индрик, 2002. — 368 с.
- Duchacek I.D. The International Dimension of Subnational Self-Government // *Publius: The Journal of Federalism*. — 1984. — Vol. 14, № 4. — P. 5–31. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a037513>
- Ciesielska-Klikowska J., Kamiński T. Paradiplomacy and its Impact on EU Foreign Policy // *Journal of Contemporary European Research*. — 2022. — Vol. 18, № 1. — P. 48–66. <https://doi.org/10.30950/jcer.v18i1.1223>
- McConnell F., Moreau T., Dittmer J. Mimicking state diplomacy: The legitimizing strategies of unofficial diplomacies // *Geoforum*. — 2012. — Vol. 43, № 4. — P. 804–814. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2012.01.007>
- Duchacek I.D. *The Territorial Dimension of Politics: Within, Among, And Across Nations*. — New York: Routledge, 1987. — 328 p. <https://doi.org/10.4324/9780429315244>
- Karvounis A. *City Diplomacy and the Europeanisation of Local Government*. — Cham: Springer International Publishing, 2023. — XVIII, 315 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-29500-3>
- Duchacek I.D. *Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. — Oxford: Oxford University Press, 1990. — P. 1–33. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198274919.003.0001>
- Dollinger P. *The German Hansa*. — Stanford: Stanford University Press, 1970. — xxii, 474 p.
- Tavares R. *Paradiplomacy — Cities and States as Global Players*. — New York: Oxford University Press, 2016. — 272 p.
- Reibstein E. *Das Völkerrecht der deutschen Hanse // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. — 1956. — Vol. 17. — P. 38–92.

References:

- Blagodatskih, V. G. and Kerimov, A. A. (2018) 'Paradiplomacy as a Category of Political Science: Theoretical-Methodological Approaches and Scientific Schools', *Herald of Omsk University. Series: Historical studies*, (1), pp. 158–166. (In Russian). <https://doi.org/10.24147/2312-1300.2018.1.158-166>
- Boestad, T. (2021) '3 Legitimizing interurban cooperation in the Middle Ages: the legal system of the Hanse', in *Research Handbook on International Law and Cities*. Lypiatt: Edward Elgar Publishing, pp. 29–40.
- Boockmann, H. (1994) *Der Deutschen Orden. Zwölf Kapitel aus seiner Geschichte*. München: Verlag C.H. Beck. (Russ. ed.: (2004) *Nemeckij orden. Dvenadcat' glav iz yego istorii*. Moscow: Ladomir Publ.).
- Ciesielska-Klikowska, J. and Kamiński, T. (2022) 'Paradiplomacy and its Impact on EU Foreign Policy', *Journal of Contemporary European Research*, 18(1), pp. 48–66. <https://doi.org/10.30950/jcer.v18i1.1223>
- Dollinger, P. (1970) *The German Hansa*. Stanford: Stanford University Press.
- Duchacek, I. D. (1984) 'The International Dimension of Subnational Self-Government', *Publius: The Journal of Federalism*, 14(4), pp. 5–31. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a037513>
- Duchacek, I. D. (1987) *The Territorial Dimension of Politics: Within, Among, and Across Nations*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429315244>
- Duchacek, I. D. (1990) 'Perforated Sovereignities: Towards a Typology of New Actors in International Relations', in *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–33. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198274919.003.0001>
- Eremina, N. (2012) 'Paradiplomacy: New Voice of Regions in Contemporary Diplomatic Concert? ', *World Economy and International Relations*, (6), pp. 42–51. (In Russian).
- Escach, N. (2018) 'The Baltic German municipalities' inter-territorial strategies: a transition through city networks?', *Europa Regional*, 25.2017(3–4), pp. 42–53.
- Gies, J. and Gies, F. (1969) *Life in a Medieval City*. New York: Crowell. (Russ. ed.: (2023) *Zhizn' v srednevekovom gorode*. Moscow: Kolibri Publ; Azbuka-Attikus Publ.).
- Le Goff, J. (1964) *La civilisation de l'Occident médiéval*. Paris: Arthaud. (Russ. ed.: (1992) *Civilizaciya srednekovogo Zapada*. Moscow: Progress Publ.).
- Karvounis, A. (2023) *City Diplomacy and the Europeanisation of Local Government*. Cham: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-29500-3>
- McConnell, F., Moreau, T. and Dittmer, J. (2012) 'Mimicking state diplomacy: The legitimizing strategies of unofficial diplomacies', *Geoforum*, 43(4), pp. 804–814. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2012.01.007>
- Nikulina, T. S. (2005) 'Gorodskaya elita Lyubeka (XIII – XVI vv.) [Lübeck's City Elite (13th – 16th cent.)] ', in *Gorodskoj socium: politicheskie i kul'turnye elity proshlogo i nastoyaschego* [City Socium: the political and cultural elites of the past and the present]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta Publ., pp. 12–23. (In Russian).
- Reibstein, E. (1956) 'Das Völkerrecht der deutschen Hanse', *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 17, pp. 38–92.
- Rotz, R. A. (1977) 'The Lubeck Uprising of 1408 and the Decline of the Hanseatic League', *Proceedings of the American Philosophical Society*, 121(1), pp. 1–45.
- Squires, E. R. and Ferdinand, S. N. (2002) *Ganza i Novgorod: Jazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov* [Hansa and Novgorod: Linguistical Aspects of Historic Contacts]. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).
- Tavares, R. (2016) *Paradiplomacy — Cities and States as Global Players*. New York: Oxford University Press.

Информация об авторах

Ольга Владимировна Лебедева — доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Мария Михайлова Бессонова — преподаватель кафедры иностранных языков МГИМО МИД России (Одинцовский филиал), 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Olga V. Lebedeva — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Diplomacy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Maria M. Bessonova — Lecturer, Department of Foreign Languages, MGIMO University (Odintsovo), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 12.12.2024.

The article was submitted 04.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 12.12.2024.